

БЕАТРИЧЕ И ЛАУРА: К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ

1. Беатриче и Лаура – это два мира и два различных мировоззрения. При создании этих образов было использовано так много различных элементов, что они выходят за рамки собственно литературы и, несмотря на очень значительную временную дистанцию, еще и сегодня являются объектом научных исследований.

Два этих образа отражают два различных способа сотворения культуры и две различные эпохи в истории Европы; это и две формы отношений между художественным образом и его творцом. Данте и Петрарка имели личные «связи» с этими образами, оставаясь верными им на протяжении всего творчества и всей жизни; они же, в той или иной степени, являются и героями собственных произведений: в большей степени это выражено в «Новой жизни» и в «Божественной комедии» Данте, в которых сам поэт постоянно присутствует в тексте, говоря о своем эмоциональном состоянии от первого лица («Новая жизнь») либо будучи основным персонажем, «реализующим» сложный сюжет – путешествие по трем царствам загробного мира – в «Божественной комедии», причем Беатриче присутствует в повествовании как олицетворение Теологии, т.е. во многом как символ; совершенство ее черт ставит ее на грань осязаемого и абстрактного и достигает своего апогея в третьей кантике поэмы. «Просветленная и преображенная красота ее уже настолько сверхчувственна, настолько отторглась от земных форм, что не может быть передана средствами искусства», – отмечает И.Н. Голенищев-Кутузов [1, с. 196]. Лаура у Петрарки, не будучи представленной в виде целостного образа ни в одном из текстов «Канцоньере», предстает как многогранная и именно целостная фигура только в совокупности всех поэтических композиций сборника. Кроме того, стоит заметить, что оба поэта для создания образов «прекрасной дамы» используют вольгаре, т.е. язык своей эпохи, живой, общеупотребительный, в отличие от латыни, служившей фактически необходимым инструментом для написания сочинений более сложного, чаще всего философского содержания.

2. Образы Беатриче и Лауры являются художественным отражением мировосприятия авторов, которые их создали. Данте – поэт «рубежа эпох», его произведения (в наибольшей степени «Божественная комедия») стали «суммой» знаний Средневековья, включавших поэзию, философию, культуру, историю, мифологию.

Исследователи его творчества неоднократно отмечали интерес к человеческой личности в его художественных произведениях. Однако новым типом интеллектуала, провозвестником новой, антропоцентрической культуры становится Петрарка: он устанавливает прочные связи между зарождающейся, формирующейся эпохой Гуманизма и античностью, привлекательной именно тем, что в центре ее миропонимания стоял именно человек и его земное существование. Однако было бы преувеличением говорить, что между двумя поэтами есть некий разрыв, hiatus, поскольку Данте достаточно глубоко интересовался римской античностью. Как отмечал известный философ Этьен Жильсон, «его искусство <...> вряд ли можно считать близким Гомеру, которого <...> он не читал, а Вергилию, которого он знал очень хорошо» [3, с. 138]. В то же время в творчестве Петрарки ощущается отдаление от эпохи Средневековья и, как следствие, определенная дистанция по отношению к творчеству своего великого предшественника. «Петрарка не воодушевляется его творчеством <...>. Для Петрарки Данте представляется «устаревшим», и именно его <...> следует считать отчасти виновным за подобное старение», – пишет Э.Жильсон [3, с. 140].

3. Образ Лауры в творчестве Петрарки представляется уже иным по отношению ко всем предыдущим образам «прекрасной дамы». «Петрарка подчеркивал реальность своей любви, потому что Лаура действительно существовала и потому что он описывал совсем не такую любовь, которую описали до него Данте и Кавальканти...» [2, с. 157]. И все же, почти неизбежно, в конечном итоге она напоминает Беатриче: ее физический облик у Данте нигде не фигурирует, подчеркивается в целом ее красота, что характерно при описании обеих героинь; у Лауры же доминирует живость черт, солнечность цвета, изобилуют многочисленные элементы портрета.

Петрарка широко использует ассоциации и ассонансы, связанные с именем Лауры: «*Erano i capei d'oro a l'aura sparsi...*», «*L'aura celeste che 'n quel verde lauro...*», «*L'aura, che 'l verde...*», «*L'aura e l'odore...*», «*L'aura gentil...*», «*L'aura mia sacra...*», «*L'aura serena...*», «*L'aura soave...*», «*Là ver l'aurora, che sì dolce l'aura...*», «*l'aureo*» (множественность значений: воздух, золото, лавр). Так, например, в сонете 90 читаем:

*Erano i capei d'oro a l'aura sparsi
che 'n mille dolci nodi gli avolgea...*

В колечки золотые ветерок
Закручивал податливые пряди...

(Пер. Е. Солоновича)

4. Язык Беатриче – глубокий, аналитический, связанный с самопознанием, ее взгляд устремлен ввысь, к небесам, к божественному, поскольку истинное существование мыслится именно там, а не на земле. Более непосредственной и в некоторой степени поверхностной оказывается Лаура, которая, по воле своего создателя, может влюбиться в собственную красоту, стать идеальной, но при этом оставаться в целом земной женщиной, чувственной, и ей не присущ глубинный, во многом философский самоанализ. И все же он присутствует, но не в плане соотнесенности с вечностью, как у Беатриче.

5. С этим связаны и две различные формы восприятия смерти и потустороннего мира. Беатриче переживает свой расцвет и триумф, уйдя из земного существования, и обретает свое счастье, обещанное общепринятой доктриной, в глубинном, «истинном» загробном бытии. Именно после смерти она достигает апогея своей красоты, предвидения, мудрости, являясь Данте в Земном Раю, в конце второй кантики. Это единственный момент, когда поэт говорит о цвете ее глаз: они изумрудного цвета.

<...>

posto t'avem dinanzi a gli smeraldi
ond'Amor già ti trasse le sue armi...
(*Purgatorio*, XXXI, vv. 116-117)

«...»

Вот изумруды, те, что с давних пор
Оружием любви тебя сражали".

(Пер. М. Лозинского)

Так говорят герою три девушки, воплощающие три теологические добродетели. Но это одновременно и элемент из куртуазной поэзии, позволяющий поэту превозносить возлюбленную даму. Глаза Беатриче отражают божественный свет, исходящий из Небесного Рая, и тем самым подчеркивается, что Беатриче принадлежит не к изменчивому и конечному миру живых, а к запредельному и неизменному миру истины и совершенства.

Лаура же обитает в естественном мире Земного Рая, хотя Петрарка его нигде в текстах таковым не называет. В этом Эдеме, как и в душе прекрасной дамы, всегда царит весна. Преждевременная смерть героини – это не переход любовных отношений в иную плоскость, а трагическое крушение всех земных надежд.

6. Свет является существенным элементом в создании образа прекрасной дамы у обоих поэтов, однако отношение к нему у героинь различное.

Данте говорит об этом в начале XXI песни третьей кантики:

Già eran li occhi miei rifissi al volto
de la mia donna, e l'animo con essi,

e da ogne altro intento s'era tolto.
E quella non ridea; ma "S'io ridessi",
mi cominciò, "tu ti faresti quale
fu Semelé quando di cener fessi:
ché la bellezza mia, che per le scale
de l'eterno palazzo più s'accende,
com'hai veduto, quanto più si sale,
se non si temperasse, tanto splende,
che 'l tuo mortal podere, al suo fulgore,
sarebbe fronda che trono scoscende.
(*Paradiso*, XXI, vv. 1-12)

Уже моя властительница снова
Мои глаза и дух мой призвала,
И я отторгся от всего иного.
Она, не улыбаясь, начала:
«Ты от моей улыбки, как Семела,
Распался бы, распавшись, как зола.
Моя краса, которая светлела
На ступенях чертогов божества,
Как видел ты, к пределу от предела,
Когда б не умерялась, такова,
Что, смертный, испытал ее сверканье,
Ты рухнул бы, как под грозой листва...

(Пер. М. Лозинского)

Беатриче сейчас очень близка в Богу, она умерла, и тем не менее живее, чем когда-либо; она излучает такой свет, что могла бы испепелить поэта, как произошло с Семелой (мать Диониса – фивские легенды о Дионисе: Зевс предстает перед ней в пламени перунов – и она, земная женщина, сгорает, не выдержав небесного огня) – ей достаточно улыбнуться, чтобы лицо стало еще более божественно-лучезарным. Свет Беатриче настолько благотворящ, что превосходит любые человеческие возможности.

По-иному свет участвует в создании образа Лауры.

Quand'io son tutto vòlto in quella parte
ove 'l bel viso di madonna luce,
e m'è rimasa nel pensier la luce
che m'arde e strugge dentro a parte a parte,
i', che temo del cor che mi si parte
e veggio presso il fin de la mia luce,
vammene in guisa d'orbo, senza luce,
che non sa ove si vada e pur si parte.
Così davanti a i colpi de la morte
fuggo; ma non sì ratto che 'l desio
meco non venga, come venir sole.
(«Canzoniere», sonetto 18, vv. 1-11)

Я в мыслях там, откуда свет исходит,
Когда я весь влекусь туда, откуда
Прекрасная мадонна льет свой свет,
Я думаю, как жжет он, этот свет,
И что мне нет спасенья ниоткуда, -
Я в сердце бедное гляжу, откуда
Медлительно уходит жизни свет,
И, как слепец, бреду, утратив свет,
Невесть куда, неведомо откуда.
Так я хочу от покушений смерти
Спасти себя; но страсть моя вослед
Торопится, чтоб мучить, как обычно...

(Пер. А. Эфроса)

Здесь также много света, что подчеркивается многократным повтором существительного «la luce» (свет) и архаичного глагола «lucere» (сиять, блистать). Но это лишь воспоминание о красоте, которая увяла; оно не сможет ни осветить поэту его путь в потусторонний мир, ни утешить его в горе после смерти возлюбленной. И смерть представляется не целью, а неким жестоким актом, которого нужно избежать, не потеряв при этом любовного чувства к женщине, которой больше нет. И прекрасный, умиротворенный пейзаж, на лоне которого существует Лаура, постепенно разрушается из-за неспособности поэта спокойно воспринимать окружающий мир. И можно сказать, что за утонченностью, умиротворенностью, лучезарностью и телесной гармонией, которая, по воле поэта, некой метафорической россыпью присутствует во всем «Канцоньере» и только в совокупности всех элементов собирается в идеальную целостную мозаику, скрывается также познание себя, элемент самоанализа, не такой очевидный, как у Беатриче, но все же присутствующий.

Таким образом, можно отметить, что Данте и Петрарка по-разному подходят к трактовке образа возлюбленной дамы: Беатриче в большей степени «философична», абстрактна и во-многом вписывается в контекст итальянской поэзии конца XIII века, в то время как Лаура все же более земная, телесная, осязаемая. Ее образ ближе к художественной манере эпохи Возрождения.

Литература

1. Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура / И. Н. Голенищев-Кутузов. – М.: Наука, 1971. – 552 с.
2. Хлодовский Р.И. Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма / Р.И.Хлодовский. – М.: Наука, 1974. – 186 с.
3. Gilson E. Dante e Beatrice. Saggi danteschi / E.Gilson. – Milano: Medusa, 1967.